

Связанные печатью

ЕВА ЛАНСКАЯ

18+

Ева Ланская

Связанные печатью

<https://litres.ru/74677752>

SelfPub; 2026

Аннотация

Меня зовут Лина Ветрова, мне двадцать. Я стипендиатка-алхимик без знатной фамилии и прячу дар, за который отправляют в закрытую обитель.

Совместный экзамен должен был стать моим шансом. Но зелье взорвалось от драконьего пламени, и на моём запястье вспыхнула парная печать. Вторая половина досталась Кайрену Эрдару, самому надменному наследнику Арвенхолла.

Теперь нам нельзя расходиться дальше чем на сто шагов. Мы живём за стенкой, ходим на занятия друг друга и считаем дни до Зимнего бала, когда печать обещают снять.

А из академии пропадают студентки, и рядом с каждым местом исчезновения находят пепел, точь-в-точь след моего дара. Чтобы спастись, мне придётся довериться дракону, которого я терпеть не могу. И узнать, что он скрывает о нашей печати.

Содержит откровенные сцены. 18+

Содержание

Глава 1. Взрыв по расписанию	5
Глава 2. Сто шагов	16
Глава 3. Пепел на подоконнике	29
Глава 4. Совместный проект	39
Глава 5. Подозреваемая	48
Глава 6. Сделка	57
Глава 7. Проклятый дар	66
Глава 8. Арена	74
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Ева Ланская

Связанные печатью

Связанные печатью

Ева Ланская

Меня зовут Лина Ветрова, мне двадцать. Я стипендиатка-алхимик без знатной фамилии и прячу дар, за который отправляют в закрытую обитель.

Совместный экзамен должен был стать моим шансом. Но зелье взорвалось от драконьего пламени, и на моём запястье вспыхнула парная печать. Вторая половина досталась Кайрену Эрдару, самому надменному наследнику Арвенхолла.

Теперь нам нельзя расходиться дальше чем на сто шагов. Мы живём за стенкой, ходим на занятия друг друга и считаем дни до Зимнего бала, когда печать обещают снять.

А из академии пропадают студентки, и рядом с каждым местом исчезновения находят пепел, точь-в-точь след моего дара. Чтобы спастись, мне придётся довериться дракону, которого я терпеть не могу. И узнать, что он скрывает о нашей печати.

Содержит откровенные сцены. 18+

Глава 1. Взрыв по расписанию

Письмо пришло с утренней почтой, и я читала его, стоя посреди комнаты с зубной щёткой во рту. Если бы Мира вдруг обернулась, можно было бы сделать вид, что в конверте рецепт пирога моей бабули.

Мира не обернулась. Она сидела на кровати по-турецки, с наполовину расплетённой косой, и зубрила строение желчных протоков, водя пальцем по воздуху. Над её коленями висел полупрозрачный человечек без кожи и смотрел на нас с укором. Молча зубрить Мира не умела: ей требовалось, чтобы её зубрёжку слушал хоть кто-нибудь живой.

— Вот отсюда он идёт сюда, а потом, ты не поверишь, сюда. Кстати, на воротах теперь стоят двое. Двое, Лина! Раньше там спал один дед в будке, и все были счастливы. Тильда с кухни говорит, что стражу удвоили ночью, приказ спустили сверху, а зачем, не объяснили.

— Ждут ревизию, — сказала я, не отрываясь от письма.

— Ревизию ждут с кислыми лицами, а эти стоят с такими, — Мира сдвинула брови и выпятила челюсть. Человечек над её коленями повторил гримасу, у него это вышло особенно жутко. — И ещё. Старшекурсница из седьмой комнаты не ночевала. Постель не тронута, а соседки клянутся, что с ужина она ушла в читальню и всё.

— Нашла кого-нибудь.

— Я тоже за роман. Ставлю на артефактора. Они обаятельны ровно до первого подарка собственной сборки.

Почерк в письме был мамин, ровный, аптечный, каким пишут дозировки. «Лина, доченька, у нас всё хорошо». Бумага хранила запах её духов. Первая фраза, значит, дальше будет плохо. Дальше было так: господин Бракк, у которого отец в позапрошлом году взял в долг под лавку, пришёл «просто поздороваться», и срок выплаты передвинули с весны на зимние праздники. Отец говорит, чтобы я не вздумала ничего присылать. Отец сам не знает, чем отдавать, но говорит. Приписка внизу была сделана другим, торопливым пером: «Береги стипендию. Она у нас одна».

Я сложила письмо вчетверо и сунула в карман формы. Одна. Как будто я могла забыть.

— Плохие новости? — Мира наконец подняла глаза. Человек послушно замер.

— Хорошие. Просто с плохим запахом.

— Как твои носки после практикума?

— Как мои носки после практикума, — согласилась я и выплюнула пасту в таз.

Экзамен назывался «совместным». В переводе с языка деканата это значило: алхимиков, которые умеют варить, но не умеют бегать, сводят с боевиками, которые умеют бегать и жечь, но не умеют читать этикетки. Раз в год их запирают в одном зале и смотрят, кто кого переживёт. Провал означал пересдачу. Пересдача стоила денег. Стипендиатам деньги не

давали, их у нас вычитали.

К восточному крылу я шла через двор, где ветер с моря трепал полы плащей и норовил забраться под воротник. Арвенхолл стоял на скале, как стоял пять веков, и вся академия топталась на этом камне с видом людей, которым не страшно. У ворот и правда торчали двое в синих плащах. Один смотрел на меня так, будто сверял с описанием. Я на всякий случай поздоровалась. Он не ответил.

Испытательный зал занимал нижний этаж: длинный, как трапезная, с каменным полом, на котором были выбиты круги. У каждого круга стол, жаровня и ведро с песком. Ведро выглядело самым честным предметом в помещении. От дверей до дальней стены было шагов шестьдесят, и всё это пространство гудело, как улей: полторы сотни человек, от восемнадцатилетних первокурсников, которые ещё держались за рукава друг друга, до выпускников с лицами людей, видевших и худшее. На галерее на жёстких скамьях сидела комиссия: мастера всех факультетов, писцы с табличками, целитель на случай, если кого-то придётся выносить. Ректорское кресло пустовало: госпожа Орс, по слухам, являлась только к самому интересному.

Рядом с этим креслом устроился проректор Крейн. Он опирался на трость, как всегда, и помахал мне двумя пальцами: мол, не робей. Я кивнула в ответ. Приятно, когда в комиссии есть хоть один человек, который не жаждет твоей крови. Накануне он даже останавливал нас в коридоре и

мягко просил после отбоя не бродить поодиночке: «Времена нервные, дети, не будем их дразнить». Я тогда решила, что это насчёт ревизии.

Пары тянули жребием. Мастер Хольм, лысый и скорбный, как все экзаменаторы, доставал из урны жетон и зачитывал на весь зал. Алхимик варит, боевик бьёт, писец с песочными часами считает минуту. Выдержал купол — зачёт. Не выдержал — пересдача, ведро и целитель.

— Ветрова. Алхимия, третий курс. Пара: Эрдар. Боевой факультет, выпускной.

По рядам прокатилось то, что у людей обычно заменяет свист, когда свистеть неприлично. Я обернулась.

Эрдара я знала так, как знают погоду: издалека и по последствиям. Он стоял у колонны, высокий, тёмноволосый, в чёрной форме с серебряной выпушкой, и спину ему держать не требовалось, она держалась сама. Золотые глаза. Радужка у него не просто была золотой, она казалась подсвеченной изнутри, как янтарь на просвет. Говорили, что его род ведёт счёт предкам от первых драконов, и по лицу было видно, что он помнит каждого.

Он оттолкнулся от колонны и подошёл не торопясь, так что я успела пожалеть обо всём, начиная с утреннего письма.

— Ветрова, — произнёс он, как читают этикетку на склянке. — Алхимия. Стипендия.

— Рост средний, волосы рыжеватые, особые приметы: рабочие, — сказала я. — Вы пропустили.

— Не счёл существенным.

Он не улыбнулся. Я бы удивилась, если бы улыбнулся.

— Задание, — продолжил он, будто я была не человеком, а приложением к заданию. — Защитная взвесь, выдержать прямой удар пламени одну минуту. Рецепт у вас?

— В голове.

— Надеюсь, голова надёжнее, чем рукава.

Я посмотрела на свои рукава. Левый был в жёлтых пятнах от серы. Спорить я не стала, а принялась раскладывать реактивы: серебряная пыль, смола белого кедра, настойка горного льна, три капли жидкого света в тёмной склянке. Основа настаивалась у меня с ночи, а вот сборка требовала рук, внимания и, как назло, тишины.

— Это что? — Он наклонился над столом, и тень от него упала на смолу.

— Смола.

— Я вижу, что смола. Почему она тёмная?

— Потому что настоялась, а не потому, что я пожалела на неё света. Отойдите, вы мне её греете.

— Я не грею.

— Вы дракон. Вы греете по умолчанию.

На соседнем круге кто-то поперхнулся. Эрдар выпрямился. Лицо у него не изменилось, но в золоте что-то сузилось, как зрачок у кошки.

— Подайте пинцет, — сказал он.

— Он у меня в руке.

— Тогда держите ровнее.

— Он ровно.

— Не он. Вы.

Я протянула ему пинцет рукоятью вперёд, с таким видом, будто вручала оружие для дуэли. Он взял, повертел, вернул. Рядом громко звякнуло: у соседей уже что-то горело, и тощий алхимик-второкурсник в панике накрывал это ведром.

— Работайте. И колбу, когда будет готово, держите ровно, если умеете.

— Умею, — сказала я. — Колба, если вам интересно, это такая стеклянная штука. Внутри бывает зелье. Иногда даже полезное.

— Время, — коротко бросил он и отвернулся к кругу, как отворачиваются от неинтересного.

Я стиснула зубы и стала собирать взвесь. Руки у меня работали сами, они умели это лучше головы: смола в серебро, серебро в лён, всё размешать по часовой, пока масса не загустеет до цвета топлёного молока. Над залом висел сладковатый дух палёной травы и чьих-то нервов. Первая пара у дальней стены уже получила зачёт, и боевик поднял партнёршу на руки, как знамя. Вторая пара получила ведро.

Три капли света. Одна, вторая. На третьей я почувствовала то, чего боялась с самого утра.

Дар сидел у меня под рёбрами, как перегретая реторта с притёртой пробкой. Всю жизнь я держала его на привязи, как злую собаку, которая тем злее, чем туже поводок. Пе-

пельный дар. Гасящий. Он глушит чужую магию, как мокрая тряпка гасит свечу, и в королевстве Аверния за него отправляют в закрытую обитель. Обитель, откуда не пишут. Отец, помню, узнал о нём, когда мне было двенадцать, и два дня сидел молча над пустой чашкой, потом сказал только: «Никому. Даже мне не показывай». Я не показывала.

А сейчас нужно было вливать свет в магическую взвесь, то есть работать с магией, возле самого дракона, под взглядами трёх десятков экзаменаторов. Мой собственный дар чувствовал это и рвался к ней, как нос к запаху пирога.

— Спокойно, — пробормотала я сквозь зубы. — Мы тут варим, а не гасим.

— Вы разговариваете с колбой? — спросил Эрдар.

— Это научный метод.

Он ничего не ответил, но уголок рта дёрнулся. Или мне показалось.

Взвесь встала, как надо: густая, перламутровая, с едва заметным мерцанием у краёв. Я перелила её в колбу с широким горлом и подняла перед собой. Над горлышком вспух купол, полупрозрачный, дрожащий, как мыльный пузырь на сквозняке. Он должен был выдержать удар. Должен был.

— Готовы? — спросил мастер Хольм с галереи.

— Нет, — сказала я.

— Да, — сказал Эрдар.

Он отошёл на шесть шагов и поднял левую руку. На раскрытой ладони, от основания большого пальца к мизинцу,

белел шрам, неровный, как след от молнии. Пламя вышло из него без вспышки: просто стало, золотое, густое, ровное. Писец перевернул песочные часы. Пламя пошло на купол, и я почувствовала жар сквозь стекло, на лице, на губах, на глазах.

Купол выгнулся. Пошёл рябью. Выстоял. Пять секунд, десять. Я держала колбу двумя руками и не дышала. Пятнадцать. На галерее кто-то одобрительно крикнул. Двадцать.

А потом пламя стало тяжелее. Он прибавил, не знаю, нарочно ли, из скуки или из желания проверить. И у меня внутри лопнула пробка.

Дар вырвался не волной, а выдохом, как бывает, когда долго держишь воздух под водой. Серая холодная тяга пошла из груди в руки, из рук в колбу, и купол перед моим лицом на одно мгновение стал серым, будто его присыпали золой. Пламя Эрдара качнулось, лизнуло край и вдруг пошло обратно по собственному следу. Огонь потянулся ко мне, а я тянулась к нему, и ни один из нас этого не хотел. Тепло ворвалось в меня через открытый рот, словно мушка, случайно залетевшая внутрь.

Колба треснула.

Грохот был такой, что у меня заложило уши. Меня швырнуло назад, на стол, стол поехал, склянки посыпались, а над кругом встало облако дыма, золотое с сизым. Где-то визжали первокурсницы. Кто-то крикнул «Воды!», кто-то, наоборот, «Не лейте!». Я лежала на спине и смотрела в потолок, где

под сводом клубился дым, и в этом дыме не было ничего, кроме паники и острого запаха горелой смолы.

— Ветрова! — Мастер Хольм уже бежал по ступеням. — Жива?

— Кажется, — прохрипала я. — Но колбу не обещаю.

Я села. Руки были целы, на пальцах серый налёт: пепел, мелкий, как мука. Я торопливо вытерла ладони о юбку, пока никто не пригляделся, и увидела, как на запястье, там, где кожа тоньше всего, расцветает кольцо.

Оно шло по кругу тонкой нитью, золотой с серой тенью, как будто кто-то обвёл мне руку расплавленным металлом и тут же присыпал золой. На нити проступали знаки, мелкие, острые, какие я видела только в старых трактатах. Не жгло, но грело, ровно и настойчиво, как чужая ладонь.

Я подняла глаза. Эрдар стоял в двух шагах от меня, всё ещё с вытянутой рукой, и смотрел на свою кисть. Такое же кольцо обвивало его запястье, золото с серым.

— Это что, — сказал он очень тихо, — такое.

— Не знаю. Это не по рецепту.

— Я вижу, что не по рецепту.

Он опустил руку, огляделся, и я заметила, как у него на скулах проступили пятна. Не то злость, не то досада, что не успел сделать вид, будто ничего не случилось. Зал замер, полторы сотни человек глядели на нас, и в тишине кто-то особенно звонкий выдал: «Ну наконец-то». Ему тут же ответили подзатыльник, судя по звуку.

— Что бы это ни было, — произнёс Эрдар ровно, — я не намерен обсуждать это на публике. Ветрова. Вы идёте со мной к ректору.

— Я иду к ректору сама. Вы — это ваше личное дело.

— Тогда я иду один.

Он развернулся и зашагал к дверям. Студенты расступались перед ним, как трава перед ветром. Шестьдесят шагов вдоль всего зала, и каждый он отбивал каблуками. Дверные створки хлопнули за его спиной. Я стояла у разбитого стола, потирала запястье и думала: ну вот, кольцо, ну и что, может, оно ничего и не значит. Оно тепло. Потом ещё. Потом стало горячим.

А потом на запястье затянулся невидимый трос и меня рвануло, как на лебёдке.

Я не успела ни вскрикнуть, ни за что-нибудь схватиться. Ноги оторвались от пола, и я полетела вдоль зала на высоте колена, мимо жаровен, мимо перекошенных лиц, мимо второкурсника с ведром на голове. Студенты прыскали в стороны, кто-то нырнул под стол. Створки дверей распахнулись от моего лица, и я вылетела в коридор, где Эрдар, услышав за спиной шум, как раз обернулся.

Я врезалась ему в плечо. Его развернуло на полоборота, он по привычке боевика перехватил меня за локти, и мы остановились: я прижата лицом к его груди, он держит меня так, будто поймал упавшую со шкафа кошку.

За нами в дверях уже толпились люди. Из зала донёсся

рёв. Не аплодисменты, нет, хотя кто-то и хлопал: смех, тот самый, от которого болят рёбра и валятся со скамьи. Кто-то визжал. Кто-то сполз на пол. На галерее мастер артефакторики вытирал слёзы платком размером с простыню. Даже писец, этот ходячий склеп, прикрыл лицо табличкой и трясся.

— Отпустите, — процедила я ему в мундир.

— Это вы на мне висите.

— Я не вишу. Меня притянуло.

— Тогда ослабьте притяжение.

— Как? Я не знаю, как оно включается!

— Вот именно.

Он сказал это сквозь зубы, и я наконец подняла голову. Лицо у него было каменное, но я ждала злости, а он смотрел мимо меня. На моё запястье, где лежала его рука. На кольцо из золота и пепла, на острые знаки, которые мерцали в такт его пульсу. Потом на своё, такое же. Потом снова на моё, медленно, как читают строчку, которую надеялись никогда не увидеть.

Скулы у него дрогнули. Он узнал. Что именно, я не поняла. Но когда он поднял на меня глаза, в этом золоте было то, чего я за три года не видела ни у одного Эрдара. Почти страх.

Глава 2. Сто шагов

К ректору мы шли рядом, потому что иначе не получалось. Стоило Эрдару прибавить шаг, как кольцо у меня на запястье теплело и подталкивало: догоняй. Я догоняла и мысленно желала ему споткнуться на лестнице. Он не споткнулся. Он вообще ступал как человек, у которого нет ни нервов, ни привязанной к нему рыжей катастрофы.

Кабинет ректора Орс находился в северной башне и пах воском и морской солью. Сама она стояла у окна: сухая, прямая, в сером платье без единого украшения. Серебро в её волосах лежало волнами, неподвижными, как лёд на луже.

— Садитесь, — сказала она, не оборачиваясь. — Хохот из восточного крыла я слышала до третьего этажа. Подробности излишни.

Мы сели. Кресла стояли близко, и Эрдар демонстративно отодвинул своё на ладонь. Кольцо тут же нагрелось. Он придвинулся обратно, глядя в пространство с лицом мученика, которого заставили есть овсянку.

Орс наконец повернулась, взяла мою руку и повертела её так, как мастер Хольм вертит подозрительный осадок. Я незаметно подобрала под себя вторую ладонь: серый налёт я стёрла, но мало ли.

— Знаки старые, — произнесла она. — Такой оттенок я вижу впервые. Золото ваше, мастер Эрдар. Серое...

— Реактив, — быстро сказала я. — Серная пыль. У меня весь рукав в ней.

Взгляд у неё был спокойный и очень долгий. Потом она отпустила мою руку.

— Что означают знаки? — спросила она Эрдара.

— Древняя связывающая печать. — Он ответил, не моргнув. — Подробности не знаю.

— Вы уверены?

— Да.

Ректор помолчала на секунду дольше, чем нужно для простого вопроса. Но настаивать не стала.

— Тогда по порядку. В зале вас рвануло на шестидесяти шагах, потому что свежая печать как свежий раствор: первые часы мечется и не знает своих границ. Теперь она осела. Граница — сто шагов. Дальше будет больно.

— Насколько больно? — спросила я.

— Сейчас узнаете.

Она вывела нас в коридор. Расстояние отмеряла сама, по плитам, считая вслух. Эрдара отправила налево, меня направо и велела идти, пока не остановит.

Первые шаги я чувствовала только, как нагреваются знаки. На семидесятом кольцо потеплело до горячего чая. На девяностом потянуло, мягко, как за рукав. На сотом я успела подумать: «Ну, подумаешь». А на сто первом мне на запястье плеснули кислотой.

Я вскрикнула и схватилась за руку. Слева, из-за поворота,

донёлся глухой удар. Кажется, Эрдар впечатал кулак в стену.

— Достаточно, — сказала Орс, и жжение отпустило. — Теперь правила. Первое: сто шагов. Второе: вы переезжаете в соседние комнаты. Третье: ходите на занятия друг друга, иначе одному из вас придётся стоять под дверью. Четвёртое: снять печать можно только к Зимнему балу, и только выполнив совместный проект, который одобрю лично я.

— А если снять раньше? — Эрдар вышел из-за поворота, очень ровный. Пятна на скулах стали багровыми. — Любой мастер артефакторики...

— Пробовали. Печать не поддаётся ни огню, ни кислоте, ни просьбам. — Орс сложила руки. — Магия не ошибается, мастер Эрдар. Ошибаются те, кто ею пользуется.

— У меня выпускной год. Боевые зачёты. У меня помолвка...

— Помолвки переживали вещи и похуже. А вам, госпожа Ветрова, не терпится спросить про стипендию. Спрашивайте.

— Взрыв, — сказала я. — Колба. Вычтут?

— Колба — расходы академии. Экзамен вам обоим засчитают по итогам проекта, а пока условно.

— Условно — это значит, что я могу вылететь.

— Это значит, что у вас есть причина стараться. Разбор происшествия у мастера Хольма в пять. Опоздаете — разбить будет нечего, он съест вас обоих.

Она ушла, не прощаясь. Мы остались в коридоре. Эрдар

посмотрел на меня сверху вниз, и я заметила, что на ладони со шрамом у него побелели костяшки.

— Вы, — сказал он, — сломали мне год.

— Я? Это ваше пламя ударило вдвое сильнее, чем нужно.

— Это был расчёт на выпускной уровень.

— Прекрасно. Вы рассчитали идеально. Печать вам понравилась?

Он не ответил. Развернулся и пошёл, а я пошла следом, потому что выбора у нас не было.

Переезд устроили до обеда. Кастелян, лысый и печальный, как человек, которому за сорок лет ни разу не сказали «спасибо», объяснил по дороге: башня боевиков мужская, и селить меня на общий этаж он не станет даже по ректорскому приказу. Зато на самом верху есть старый гостевой блок, где останавливаются проверяющие из столицы. Там две комнаты и общая умывальня между ними. Вещи Эрдара кастелян перенёс туда ещё утром, пока мы вдвоём сидели у ректора и выясняли, где кончается печать. Меня поселили во вторую, где раньше хранили инвентарь.

Чтобы добраться до верха, нужно было пройти все четыре этажа боевиков. Я тащила ящик с колбами и чувствовала себя экспонатом. Двери открывались одна за другой, из каждой выглядывали головы, и с каждым пролётом гул становился громче, как перед выходом на арену. Какой-то третькурсник с учебным мечом в руке прислонился к стене и спросил с неподдельным интересом:

— А правда, что вы летели? Или это Эрдар вас тянул на верёвке?

— Это сложный алхимический процесс, — ответила я. — Называется «лебёдка». Хотите посмотреть вблизи, подойдите к его пламени.

Он быстро отошёл. На втором этаже кто-то присвистнул, на третьем кто-то зааплодировал, а на лестничной площадке висел список, написанный углём на двери: «Продержатся: 3 дня — 11 монет, неделя — 14, до бала — 2 (дураки)». Эрдар прошёл мимо него с лицом человека, который запоминает имена.

Мира провожала меня до самого входа, с узлами и сплетнями.

— Тильда говорит, что вся кухня спорила, сколько вы продержитесь, — шептала она, пихая мне в руки подушку. — Я поставила на неделю, ты же упрямая.

— Мира.

— Что? Мне нужна прибыль. Целители вообще мало зарабатывают.

— Ты меня бросаешь одну с драконом.

— Не бросаю. Наведываюсь. Напиши потом, какие у него носки.

У входа в башню на нас налетел Тео Варрен, весёлый, всклокоченный, с чёрными от артефакторной смазки пальцами. Он подхватил мой ящик, не спросив.

— Лучшая новость семестра, — объявил он. — Кайрен,

я могу взять на себя оформление свадебного стола?

— Варрен.

— Молчу. Но стол был бы красивый.

Я не успела придумать ответ. Навстречу по лестнице спускалась женщина в платье цвета тёмной сливы, с высоким воротом и без единой складки. Светлые волосы, которые в полутьме лестничной площадки казались тёмными, были убраны в такой тугий узел, что им можно было бы резать масло. Леди Селеста Дорн остановилась на площадке, оглядела мои ящики, мою ступку в одеяле, рукав в жёлтых пятнах и, наконец, Эрдара.

— Кайрен, — сказала она. — Мне сообщили.

— Селеста. Я объясню.

— Не сейчас. И не при зрителях. — Она бросила на меня быстрый взгляд, и в нём не было ни ненависти, ни презрения, одна вежливая констатация. Так смотрят на плохо поставленную мебель. — Госпожа Ветрова, у вас в волосах кусочек стекла.

Я нащупала. Действительно, осколок колбы. Селеста кивнула, будто проверила какой-то пункт, и прошла мимо.

— Она тебя убьёт? — шепнул Тео.

— Нет, — сказал Эрдар. — Хуже. Она будет вежлива.

Ключ от комнаты кастелян выдал мне такой тяжёлый, что им можно было забивать гвозди. Доспехи из кладовой вынесли, но в углу остался нагрудник, и я решила не трогать его из вежливости. Окно выходило на море. Это всё, что я могла

сказать в пользу комнаты. Комната Эрдара была за стеной, и дверь он оставил открытой. Я мельком увидела кровать, стол, стул, меч на стене. Ни ковра, ни книги на подоконнике, ни единой чашки. Носки я выяснила быстро: на кровати лежала стопка серых, сложенных ровно, как на смотр. Больше про его вещи сказать было нечего. Комната человека, который собирается уехать, не успев вселиться.

Мои колбы ехали в трёх ящиках, ступка отдельно, и по дороге несколько реактивов решили, что им тесно. От лестничного пролёта до двери за мной тянулся шлейф нашатыря и жжёного сахара. Эрдар шёл через него так, словно я нарочно его травила.

Первая ссора случилась в четыре часа дня, из-за умывальни. Одна дверь вела в мою комнату, вторая в его. Я вошла первой и закрыла замок: серу с рук надо было смыть до разбора, иначе Хольм учует её раньше, чем я рот открою. Он постучал с той стороны:

— Мне через час к Хольму.

— Мне тоже. Представьте себе, с вами в нагрузку.

— Тем более. Мне нужно смыть копоть.

— А мне серу. Потрудитесь подождать.

— Потрудитесь вспомнить, что я переехал раньше вас и до сих пор не умывался.

— Потрудитесь вспомнить, что слово «пожалуйста» существует.

— Пожалуйста, — выговорил он так, как произносят при-

говор.

Я вырвала из блокнота в кармане фартука листок, написала на нём «Занято: алхимик за работой» и просунула под его дверь. Через минуту листок вернулся. На обороте острым почерком было выведено: «Занято: дракон за ожиданием. У вас вода течёт под дверью, и у меня в комнате мокрый пол». Я глянула вниз. Кран я действительно не закрутила, а порог в этой умывальне был ниже, чем в моей жизни. Я приписала: «Подоткните носком. Серым. Их у вас достаточно», перекрыла кран и отправила листок обратно. Это был самый содержательный разговор за день.

Дальше победил он: вышла я, когда он уже стоял в дверях, и мы вдвоём ввалились в лабораторию Хольма с пятиминутным опозданием, оба мокрые по разным причинам.

Мастер Хольм разбирал на длинном столе остатки моей колбы. Собрали их, похоже, по всему залу: осколки лежали на белой ткани, рядом стоял флакон с реагентом, очки на лбу, в руке пинцет. Хольм был маленький, лысоватый, в вечно закатанных рукавах, и боялись его одинаково и алхимики, и боевики.

— Садитесь, — сказал он. — Нет, не отдельно. Вместе. Иначе мне придётся вас связывать самому.

— Нас уже связали, — отрезал Эрдар.

— Значит, не вам, мастер Эрдар, указывать, как мне вести разбор.

Мы сели на одну скамью. Колено у Эрдара оказалось твёр-

дое, как ножка стола. Он отодвинулся, я придвинулась обратно. Кольцо тихо согрело нам обоим запястья. Хольм наблюдал за этим поверх очков с интересом натуралиста.

— Защитное зелье, — начал он. — Ветрова, ваш расчёт безупречен. Я проверил дважды. Слянка выдерживает три удара пламени выпускного уровня. А она не выдержала и одного. Объясните.

— Перегрев, — сказала я.

— Перегрев стекла даёт трещины. Вы мне показали взрыв. Эрдар, ваш удар?

— По норме.

— Я видел, что по норме. Тогда откуда взрыв?

— Зелье было нестабильно, — сказал Эрдар. — Пример, который я вижу каждый год.

— Мастер Эрдар, у вас получается удивительно: обвинить всех, кроме собственного пламени.

Они переглянулись, и я успела подумать, что сейчас у боевиков появится ещё один повод для ставок. Хольм тем временем поднёс пинцет к крупному осколку. На внутренней стенке лежал серый налёт.

— Это что?

— Сажа, — сказала я слишком быстро.

— Сажа с зелья на основе серебра и мяты? — Он приподнял бровь. — Любопытная сажа. Не горит, не пахнет и не оседает на пальцах. — Он провёл пальцем по осколку и показал мне чистую подушечку. — Остаточная магия зелья

погасла. Не сгорела: погасла. Как если бы её выключили. Такого я не видел двадцать лет.

У меня на секунду пропал голос. Я смотрела на его палец и думала о том, что серое пятно на стекле весит больше, чем вся моя стипендия.

— Пламя Эрдара, — сказала я наконец. — Оно могло пережечь нити заклинания. Это же дракон.

— Могло, — согласился Хольм и посмотрел на Эрдара. Тот сидел, не шевелясь. — Мастер Эрдар, вы подтверждаете?

Пауза была короткой. Но я её запомнила, потому что до этого момента Эрдар не промолчал ни разу.

— Допускаю, — сказал он.

— Хорошо. Пишите протокол. Оба. По очереди, один лист на двоих. Я не спущу вас, пока не получу связную версию, где нет слов «просто бахнуло».

Мы писали час. Он диктовал сухо, как на допросе: «Температура пламени, глубина проникновения». Я правила: «Не глубина, а проникновение в слой стабилизатора, это принципиально». Он рычал: «Это одно и то же». Хольм сидел рядом и пил что-то мятное, и на третьем абзаце начал тихо хихикать в чашку. В итоге получился протокол на две страницы, исчерканный нашими почерками так, что разобрать его мог только сам Хольм.

— Превосходно, — сказал он, дочитав. — Лучший документ по взрывам за десять лет. Идите.

Мы вышли в коридор. Эрдар шёл молча, и я не удержалась:

— Почему вы промолчали про сажу?

— Я не промолчал. Я допустил.

— Это одно и то же.

— Не одно, — сказал он, не глядя на меня. — Идите, Ветрова. Шаг вам отсчитывать не нужно.

К ночи я окончательно обосновалась. Колбы на подоконнике, реактивы по алфавиту, спиртовка на тумбе, сушёный зверобой под потолком, потому что больше его повесить было некуда. Я поставила кипятить успокаивающий отвар: валериана, мята и щепотка тмина для вкуса. Пахло знакомо и по-домашнему, то есть слегка как старый носок. Но кто же виноват, что валериана работает именно так.

Через стену раздался стук. Сухой, трижды, как будто сквозь камень прошла чья-то ладонь.

— Что за вонь?

— Успокаивающее! — крикнула я. — Вам бы пригодилось!

— Я прекрасно спокоен.

— Тогда стучите потише!

Он стукнул ещё раз, сильнее. Я взяла ступку и растёрла в ней корень. С размаху, ритмично, как будто в комнате поселился оркестр. Он ответил рукоятью меча. Я ударила пестиком в такт. Он затих. Я ждала, тоже замерла. Через минуту слышался звук, который не был ни стуком, ни руганью: он

ходил из угла в угол, тяжело, медленно, как ходят люди, которые не собираются спать.

Печать теплела и остывала в такт его шагам. Мне почему-то стало не смешно. Я погасила спиртовку, легла и долго слушала, как за стеной ходит человек, ненавидящий меня всей душой и обязанный дышать со мной в одном ритме.

Заснула я, наверное, часа в два.

Проснулась от колокола.

Это был не утренний, медный и ленивый, а частый, злой, как на пожаре. Я вскочила, наступила на собственный носок, запуталась в одеяле и рванула к двери в одной рубашке, с расплетённым узлом. В коридоре уже стоял Эрдар. Одетый, застёгнутый на все пуговицы, будто он вообще не ложился. Только волосы были растрёпаны, и это его почему-то сильно выдавало.

— Пожар? — спросила я.

— Нет.

На лестнице грохотали сапоги. В коридор вошёл стражник в синем плаще, молодой, с белым лицом, и сразу осёкся, увидев нас обоих. Посмотрел сначала на меня, потом на него, потом на мою рубашку и торопливо уставился в потолок.

— Простите, — выдавил он. — Приказ ректора: все студенты в общую залу. Ночью пропала студентка.

— Кто? — спросил Эрдар.

— Ада Ферн. Целительский факультет, четвёртый курс. Двадцать один год. Комната в западном крыле, окно откры-

то. Постель нетронута. — Он сглотнул. — И на подоконнике пепел. Серый, горстка, будто кто-то выбил трубку. Капитан велел ничего не трогать и никому не говорить, но вы же всё равно услышите.

Я вспомнила, как Мира рассказывала про старшекурсницу из седьмой комнаты и как мы обе решили, что та просто влюбилась. Теперь пропала вторая, а я стояла босиком на холодных плитах и смотрела на свои пальцы. Утром на них тоже лежал серый налёт, мелкий, как мука.

Кольцо на запястье тихо согрелось, словно кто-то в темноте положил на меня ладонь. Эрдар смотрел на меня так, будто собирался что-то спросить, и не спросил. Две девушки за неделю. Мира ошиблась: так не влюбляются.

Глава 3. Пепел на подоконнике

Общая зала вмещала всю академию и всё равно казалась тесной. Старшие курсы жались к стенам, первокурсники стояли посередине, как осадок в бутылке. Мира держала для меня место у колонны. Нос у неё был красный, глаза мокрые.

— Ада мне конспекты по травам давала, — зашептала она. — Она не из тех, кто сбегает. Она на ужин ходит по расписанию, понимаешь? Как часы.

Кольцо грело ровно, без рывков. Значит, Эрдар где-то рядом. Я нашла его у противоположной стены. Рядом стоял Тео Варрен, чёрный до локтей от смазки, и что-то говорил, не получая ответа.

На помост поднялась ректор Орс. Серое платье, седина уложена так, словно её линовали. Кричать она не стала, но тишина наступила сама.

— Две студентки за неделю. Называть это совпадением я не стану и вам не советую. С сегодняшнего дня вечерний звонок в девять, поодиночке по замку не ходит никто, окна западного крыла запечатываются. — Она обвела залу взглядом. — Страх плохой сторож, но отличный вор. Сначала он крадёт у человека голову, а остальное забирают уже без труда. Свою голову, прошу, оставьте при себе.

Кто-то нервно хихикнул и тут же замолчал.

— Целительниц, знавших Аду Ферн, проректор Крейн по-

просит задержаться. Остальные на завтрак.

— Пойдём, — Мира вцепилась мне в рукав. — Я одна не могу. Пожалуйста.

Я бы и сама не смогла объяснить, зачем пошла, если бы не знала зачем. Пропавшие девушки не давали мне покоя. Эрдар догнал нас у выхода.

— Мне туда нельзя, — сказал он, глядя поверх моей головы.

— А мне без вас нельзя дальше сотни шагов. Так что можно, — ответила я. — Считайте это экскурсией.

Он промолчал, но пошёл. Я заметила, что шагает он ближе, чем нужно, будто проверял границу.

У комнаты Ады в западном крыле на банкетке сидели девушки в белых фартуках. Среди них, опираясь обеими руками на трость с серебряным набалдашником, стоял невысокий, кругловатый человек с седыми волосами и седыми висками. Мягкие светлые глаза смотрели из-за стёкол очков. Альден Крейн, проректор. Я видела его пару раз на церемониях и каждый раз удивлялась, как можно быть таким уютным в должности, где положено внушать ужас.

— Мои хорошие, — говорил он, и голос у него был тёплый, как вытопленное масло. — Никто не будет вас ни в чём обвинять. Ада найдётся, мы все этого хотим. Эй, Рик, где чай?

Молодой стражник уже нёс поднос. Крейн сам разливал, сам передавал чашки, а когда дошёл до меня, остановился.

— А вы — та самая, с печатью, — сказал он без насмешки, почти ласково. — Не принимайте близко к сердцу, милая. У нас каждый год что-нибудь да взрывается, а в этом году взорвалось в особенно красивом месте. Мятный. Мята и страх плохо уживаются.

Чай был крепкий, с лимонной коркой. Я такой же варила дома по вечерам.

— Спасибо, — сказала я.

— Умница, что не ушли с экзамена. Многие бы ушли. — Он тяжело перенёс вес с больной ноги на здоровую и обратился к стражнику: — Мире Солн нужно зайти, посмотреть вещи. Она подскажет, чего нет. И подругу возьмите, ей спокойнее.

В комнате Ады пахло сушёным шиповником и холодом. Окно распахнуто, постель застелена, подушка с вмятиной в форме чужой щеки. На столе раскрытый учебник, поверх него карандаш. Мира, всхлипывая, перебирала вещи: сумка с травами на месте, зелёный платок на месте, пропала только мягкая тапочка.

А я смотрела на подоконник.

Там лежала узкая серая полоса, будто кто-то провёл по камню ладонью, испачканной в золе. Но зола пахнет. Сажа липнет к пальцам. Эта лежала мёртвой пылью и не пахла ничем вообще. Я видела такое один раз, в двенадцать лет, на кухне у родителей, когда погасила свечу, которую зажёл отец. Он потом долго мёл эту серую пыль в ладонь и молчал,

а потом сказал: «Никому».

Холодно стало не сразу. Сначала я решила, что просто сквозняк.

Рик отвернулся к Мире, спросить про тапочку. Я встала так, чтобы закрыть подоконник спиной, достала из кармана фартука пустой пузырёк, которые у алхимика всегда с собой, и соскребла в него щепоть. Пробку загнала большим пальцем. Руки не дрожали. Меня это даже удивило.

— Любопытно, — произнёс кто-то у двери.

Я вздрогнула и чуть не выронила пузырёк в карман мимо. На пороге стоял господин Кальвер из попечительского совета, сухой, как гербарий, в чёрном сюртуке, с левой щекой, подвязанной платком. Говорили, он слышит ложь так, как другие слышат фальшивую ноту, и поэтому студенты старались с ним не разговаривать. Он мимо меня прошёл к подоконнику и долго смотрел на серую полосу, морщась от зубной боли.

— Капитан, — сказал он стражнику, — это не зола и не сажа. Я читал о таком следе. Пепельный. Поднимите списки всех, кого за последние годы проверяли на гашение магии. Алхимиков в первую очередь.

Меня будто окатили ледяной водой из ведра. Кальвер повернулся и посмотрел прямо на меня. Взгляд у него был не злой, а внимательный, как у человека, считающего чужие монеты.

— Вам знаком этот пепел, студентка?

— Я алхимик, — ответила я. — Мне знакомо многое.

Он помолчал. Я не соврала ни одним словом и всё равно чувствовала, как он взвешивает каждое.

— Господин Кальвер, — мягко вмешался из коридора Крейн, — девочки напуганы, давайте без допросов. Чаю? Нет? Бедный ваш зуб. — И повернулся к нам с такой доброй улыбкой, что стало немного легче. — Идите, мои хорошие. Идите завтракать.

Когда я обернулась на пороге, в дверях стоял Эрдар. Он смотрел не на меня, а на подоконник.

— Пошли, — сказала я. — Тут мы уже ничем не поможем.

Он промолчал. Это мне не понравилось больше, чем если бы он съязвил.

Через час я пожалела, что вообще встала с постели.

Занятия боевого факультета проходили на арене, круглой яме с рыхлым песком, окружённой скамьями. По расписанию нам полагалось «поменяться местами». Эрдару достались мои реактивы, мне его меч.

Наставник Брант, плечистый и лысый, оглядел меня как плохо сшитый мешок.

— Вам, студентка Ветрова, ничего делать не надо. Просто стойте и смотрите, как это делается.

— Прекрасно, — сказала я. — Люблю смотреть.

Через десять минут он вызвал меня в круг «для наглядности». Учебные огненные шары у боевиков бутафорские: лёгкий хлопок, запах палёной шерсти, ожогов нет. Мне нужно

было отступить на три шага влево. Всего на три. Я отступила на два, наступила на собственный шнурок и села в песок, как мешок муки.

С трибун грохнуло. Я подняла голову. Эрдар стоял в пяти шагах, руки за спиной, и смотрел на меня так, как смотрят на разлитую колбу, прикидывая, что убирать будут не они.

— Могли бы подать руку, — сказала я.

— Могли бы смотреть под ноги.

— Это вы так заботитесь?

— Это я так не мешаю.

С трибуны свесился Тео и крикнул:

— Не обижайся, Ветрова! У него эта функция выжжена в раннем детстве. Он драконьим родом воспитан, а у драконов руки подают только в одном случае — когда надо за шкурку.

— Варрен, — сказал Эрдар, не оборачиваясь.

— Молчу, молчу.

Я встала сама. Отряхнула юбку, вытряхнула песок из рукава и демонстративно заняла место на скамье рядом с Тео. Тот дружелюбно подвинулся.

— Хочешь честно? — шепнул он. — Ты продержалась дольше, чем Ренвик на первом курсе. Тот вообще заплакал.

К вечеру мне мерещился песок в каждом шве.

Но справедливость в мире всё-таки есть, и после обеда она явилась мне в виде мастера Фелла, который читал третьему курсу очистку металлов. Эрдар вошёл в лабораторию с видом человека, шагающего на эшафот, и сел позади всех.

Я устроилась в первом ряду, чтобы не пропустить ни одной минуты.

— Господин Эрдар, раз уж вы у нас в гостях, — любезно сказал Фелл, — попробуйте нагреть тигель с сурьмой. Мягко. Не выше шестисот градусов.

— Мягко, — повторил Эрдар.

— Нежно, — подсказала я с первого ряда.

Он посмотрел на меня. Я невинно хлопнула ресницами. Он положил ладонь над тиглем. Из-под ладони вырвался тонкий, злой, оранжевый язык огня, как будто его всю жизнь учили поджигать мосты, а не греть горшки.

Тигель лопнул. Сурьма брызнула на потолок. Столб серой пыли встал над столом, и Эрдар выпрямился из него, чёрный от лба до воротника, только золотые глаза остались светлыми.

— Шестьсот, — сказала я в наступившей тишине. — Это не сила, а терпение. Но откуда вам знать.

Аудитория грохнула. Фелл закашлялся в платок, пряча лицо. Кольцо на моём запястье стало горячим, как кружка кипятка, но я даже не скрывала торжества. Это был лучший день за последнюю неделю.

После лекции я задержалась помочь лаборанту. Гордей, тощий, сутулый, но широкоплечий, с густой бородой и вечно красными от кислот пальцами, сметал сурьму в совок так, будто собирал по зёрнышку золото. Когда я потянулась за банкой с полки, он оказался между мной и шкафом быстрее,

чем я успела моргнуть.

— Не надо, студентка. Я сам. Там учёт.

— Я только поставить...

— Я сам.

За его спиной в шкафу стояли банки с этикетками разного почерка, и одна с лунной солью, только что мельком увиденной мной, была подписана не рукой мастера Фелла. Гордей повернул ключ, сунул его в карман халата и уставился в пол.

— Вы сегодня допоздна? — спросила я.

— Нет. Что вы. С чего бы.

Слишком быстро. Но в голове у меня сидел серый подоконник, и на чужие секреты места не оставалось.

В столовой на нас смотрели так, будто мы принесли с собой ручного дракона. Я взяла миску каши и нашла место рядом с Мирой. Эрдар сел за стол Тео, в пяти шагах от нас, спиной к залу.

— Говорят, ты ему подножку поставила, — сообщила Мира, моргая красными веками. — Пока он шёл в лабораторию.

— Нет.

— Говорят, это он тебе подножку поставил, на арене.

— Он стоял с руками за спиной. Так что нет.

— Говорят, вы ночью дрались.

— Мы перестукивались.

— Говорят, это одно и то же.

Тильда, кухарка, тяжело опустила на наш стол блюдо с пирогами. Лицо у неё было розовое, как булка.

— Ешьте, — сказала она. — Худые вы обе, вам силы нужны. Эрдару-то хорошо, у него огня на пятерых, а ты, рыжая, держись. Он в целом парень ничего, только дурной. Ничего, привыкнешь. Или не привыкнешь, но тогда хоть пирог.

Кто-то сзади прошептал: «Пара поневоле». Кто-то хихикнул. Кто-то ответил: «Месяц не протянут». Мира поймала мой взгляд и виновато уткнулась в чашку.

Пирог с капустой я ела так, будто он мне чем-то обязан.

Вечером я дошла до своей двери с нагретым кольцом на запястье и тяжёлым пузырьком в кармане. Всё, чего я хотела, закрыться, достать лупу и спиртовку и посмотреть, что за пепел лежал на подоконнике. Я уже тянулась к ручке, когда за спиной раздалися шаги. Неторопливые, ровные, знакомые.

Эрдар остановился в двух шагах. Не ближе. Свет от факела делал его скулы острыми, а тени под глазами синими.

— Ветрова.

— Да? Пришли поблагодарить за урок по очистке металлов?

Он не улыбнулся. Он вообще не отреагировал, и это было страшнее всего.

— Я видел подоконник, — сказал он тихо, так, чтобы не слышали двери по обе стороны коридора. — Ту полосу. Серую.

Рука на ручке стала чужой.

— Грязь, — выговорила я. — Старая пыль.

— Это не пыль. — Он посмотрел на мои пальцы. Медлен-

но, на каждый по очереди. — Пепел. Как у вас под ногтями.

Глава 4. Совместный проект

— Щёлок, — сказала я.

Слишком быстро. Хорошая ложь должна полежать во рту, как конфета, а эта выскочила, как пробка.

— Щёлок, — повторила я уже медленнее. — Зольный. Мастер Фелл заставляет нас выжигать кости для очистки металлов, а потом мы полдня отмываем руки. Хотите, покажу на локтях? Там вообще красота.

— Он не пахнет.

— Хороший щёлок не пахнет. Плохой пахнет вами после сурьмы.

Что-то дёрнулось у него в уголке рта, но улыбкой это не стало. Он смотрел на меня так, как смотрят на дверь, которая должна быть заперта, а оказалась просто прикрытой.

— Вы лжёте плохо, Ветрова.

— А вы плохо нагреваете тигли. У каждого свои таланты.

Он помолчал. Где-то внизу хлопнула дверь, в соседней комнате кто-то уронил сапог. Факел потрескивал, и тень Эр-дара на стене то росла, то съеживалась.

— Я не стражник, — сказал он наконец. — Пока.

И ушёл к себе. Щёлкнул замок. Я стояла и слушала, как за стеной он снимает меч со стены и вешает обратно, потому что рукам нужно было занятие. Потом достала пузырёк, посмотрела на серую пыль на свет и убрала обратно. Руки у

меня дрожали так, что лупу я бы уронила.

Утро началось с Тео.

Он стоял посреди коридора башни на коленях, чёрный по локти от смазки, и ковырялся отвёрткой в брюхе жестяного жука. Жук жужжал, дёргал лапками и всё норовил удрать под дверь Эрдара. Свободной рукой Тео придерживал на полу блокнот в кожаной обложке. На ней красовалась надпись «Тотализатор. Не для нежных глаз».

— Доброе утро, мои голубки, — приветствовал он.

— Варрен, — сказал Эрдар, выходя из комнаты.

— Молчу. Просто уточняю условия. Ставки три: «неделя», «месяц» и «убьют друг друга раньше срока». Я, как человек, любящий свободу, поставил на третье. Вопрос в том, кто первым. — Он посмотрел на меня с искренним любопытством. — Ветрова, ты чем обычно действуешь? Ядом или тяжёлым предметом?

— Тяжёлым предметом, — сказала я. — Ядом пользуюсь только по особым случаям.

— Записал. — Он старательно черкнул. — Кай, а ты?

— Я не отвечаю на глупые вопросы.

— Тоже записал. Это значит «огнём, без предупреждения».

Завтракать нам пришлось вместе, потому что сто шагов не обсуждаются. Между ложкой каши и чашкой чая мы успели поругаться трижды. Проект нужно было сдать через два месяца, тему согласовать с ректором до конца недели, и Эрдар

сразу заявил, что предлагает усилить защитную взвесь: «То, на чём мы сломались, надо довести до конца».

— То, на чём мы сломались, — сказала я, — это вы и ваша манера лить пламя, как воду из ведра.

— Ваша взвесь не выдержала обычного удара.

— Выдержала бы, если бы вы не усилили напор. Я видела.

— Вы ничего не видели. Вы смотрели в пол.

— Я смотрела на ваши руки, они дрожали. Первая стадия самодовольства: ладони потеют, ноздри раздуваются.

Тео делал вид, что увлечённо жуёт, но плечи у него тряслись.

— У меня другое предложение, — сказала я, когда стало ясно, что мы ходим по кругу, как лошади на мельнице. — Эликсир разделения связей.

Эрдар поднял голову. В лице у него что-то мелькнуло, и это была не радость и не насмешка.

— Рецепт старый, — продолжила я. — Его почти не используют: связи между людьми обычно не такие прочные, чтобы их приходилось резать. Но он описан. Для снятия связующих чар годится. Если мы сварим его как проект, ректору придётся засчитать работу. А когда снимем печать, тем лучше.

— Это опасно, — сказал он.

— Печать на руке тоже не подарок.

— Нужны два носителя, — медленно сказал Эрдар. — Ваш дар...

Он осёкся. Я похолодела, но он договорил только:

— Ваша алхимическая часть и моя огненная. Подходит.

— Прекрасно, — сказала я. — Единственный проект, после которого мы разойдёмся, причём буквально.

Тео поднял стакан с компотом.

— За развод! — провозгласил он. — Печальный, но неизбежный.

Эрдар вылил компот ему на колени. Тео взвыл. Мы ушли на лекции.

Библиотека в Арвенхолле такая, что любая алхимичка влюбляется с порога. Длинные залы, лестницы на колёсиках, запах старой кожи и пыльного воска. Запретная секция, огороженная цепью, мерцала в глубине зала, как приманка. Нам нужны были три раздела: «Связующие чары», «Алхимия растворов» и «Королевские рецептуры». Мы разделились настолько, насколько позволяла печать, то есть почти не разделились: я снимала книги с полок, он стоял в двух шагах и читал корешки.

— Вот этот, — сказал он и протянул том. — «Растворение уз». Седьмая глава.

— Хорошо. А вот этот...

Я пошла вдоль стеллажа, провела пальцем по корешкам и остановилась. «Родовые метки. Их происхождение и значение». «Обычаи драконьих домов». «Договоры крови». Серый кожаный переплёт, тиснение золотом, всё по алфавиту.

— Ветрова, — позвал он. — Здесь лучше.

— Минуту. Здесь тоже интересно.

— Там нет ничего про растворы.

— Там есть про метки. Наша печать, между прочим, тоже метка. Вдруг в этих книгах написано, как её...

— Не написано.

Он оказался рядом так быстро, что я даже не услышала шагов. Не схватил за руку, не загородил полку. Просто встал так, что между мной и серыми корешками оказалось его плечо. Ровное, спокойное плечо человека, которому очень нужно, чтобы я смотрела в другую сторону.

— Это драконьи обычаи, — сказал он. — Они скучные. Вам не понравится.

— Мне вообще мало что нравится. Но проверить стоит.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я не хочу весь день слушать, как вы читаете вслух про брачные ритуалы дома Эрдаров.

— Про брачные ритуалы? Откуда вы знаете, что там про брачные...

— Ветрова. Растворы. Там.

Говорил он ровно, но кольцо на запястье потеплело, а когда он отвернулся и пошёл к другой полке, я заметила, как он сжимает книгу. Костяшки побелели.

Я взяла «Растворение уз» и пошла за ним. Но название «Родовые метки» запомнила. Алхимик запоминает то, что от него прячут. Это профессиональное.

К обеду я прочитала три главы, составила список ингредиентов и узнала, что рецепт требует «обоюдного согласия участников», которое тоже надо где-то раздобыть. В столовую мы пришли голодными, злыми и в одном настроении, чего нам обоим не хотелось признавать.

Селеста Дорн сидела за столом с подругами, и когда мы вошли, разговоры вокруг неё стихли. Головы она не повернула. Она вообще редко её поворачивала. Платье цвета тёмной сливы, волосы убраны так, что ни одна прядь не посмела выбиться, осанка такая, будто к позвоночнику привязали линейку.

Я взяла миску с супом и направилась к нашему столу, но она заговорила, когда я проходила мимо. Негромко, но так, что слышали все.

— Госпожа Ветрова. Подождите.

Я остановилась. Суп в миске дрогнул.

— Я хотела сказать, что понимаю ваше положение, — сказала Селеста с вежливостью, острой, как ножницы. — Безусловно, вам трудно. Привыкнуть к другому кругу, к другим обычаям. Подобные недоразумения случаются, когда человек оказывается там, где ему не место. — Она наконец повернула голову. — Но не стоит путать вынужденную близость с правом. У моего жениха есть обязательства, о которых вы не имеете понятия. Фамилии, как известно, не выдают вместе со стипендией.

«Жениха» она произнесла ровно, без нажима, как слово

из протокола, который давно не перечитывали, но и не сдали в архив. За столами стало совсем тихо. Я слышала, как кто-то отложил ложку.

Я посмотрела на Эрдара. Он замер в трёх шагах, с лицом, застывшим, как у каменного дракона над воротами. Он явно собирался вмешаться, но я успела раньше.

— Леди Дорн, — сказала я. — Вы совершенно правы. Я не вправе претендовать ни на его обязательства, ни на его фамилию. Мне хватает забот, у меня на руках очень сложный случай.

— Какой? — не удержалась Селеста.

— Носки.

Кто-то фыркнул.

— Носки? — переспросила она.

— Господин Эрдар раскладывает их по линейке. Серые, ровной стопкой, одна к одной. Я видела через дверь умывальни. Мне, как алхимику, это внушает уважение и ужас. — Я поставила миску на стол, чтобы показать, что никуда не тороплюсь. — Поэтому, если вы хотите взять на себя ответственность за этого человека, леди Дорн, я не стану мешать. Берите вместе с носками. Могу даже ленточкой перевязать. Розовой, для праздника.

Секунду было тихо. Потом Тео взвыл. Это был не смех, а вопль человека, который годами ждал именно этой реплики и дождался. За ним грохнул кулаками по столу стол боевиков, хохот прокатился по залу, и вот уже полстоловой смея-

лось, стучало ложками и звало Тильду, чтобы та тоже послушала.

Эрдар медленно закрыл глаза. Кольцо на моём запястье стало горячим, как уголёк, но, клянусь, не от злости. Уши у него порозовели.

Селеста не засмеялась. Она смотрела на меня, и лицо у неё стало совсем другим: не обида и не гнев, а холодное внимание человека, который только что понял, что противник стоит чего-то.

— Благодарю за честность, госпожа Ветрова, — сказала она ровно. — Запомню.

И отвернулась. Достоинно, не торопясь. Я бы на её месте швырнула в меня тарелкой. Почему-то это было хуже.

Эрдар сел рядом со мной молча. Подвинул мне хлеб. Помолчал и сказал только:

— Серые, потому что в бою не заметно.

— Конечно, — кивнула я. — Для боевых действий носки — самое важное.

Он не ответил. Кажется, впервые за неделю ему нечего было сказать.

Вечером мы сидели над рецептом в моей комнате, потому что только там хватало места для всех колб: он на единственном стуле, я на кровати, между нами разложенные листы. Свет спиртовки дрожал на его лице. Говорили мало. Он диктовал пропорции, я записывала, иногда спорила, и он, к моему удивлению, соглашался, если я была права. К девяти

ударил звонок, и коридоры затихли. К одиннадцати мы разошлись каждый к себе и легли, разделённые стеной и шестью шагами.

Тревожный колокол ударил на рассвете, и мне показалось, что он звонил уже давно.

Я выскочила в коридор в рубашке и шали. Эрдар стоял в дверях в расстёгнутой куртке, с мечом в руке, и по лицу было видно, что он не спал вообще. Внизу уже топали сапоги. Потом по лестнице взлетел Рик, молодой стражник в синем плаще, и остановился на площадке, переводя дух.

— Нелли Грасс, — выдохнул он. — Артефакторы, третий курс. Ей двадцать два. Нет в комнате. Постель смята, окно открыто...

— Опять пепел? — спросил Эрдар.

— Пепел на подоконнике. Но это не всё. — Рик сглотнул. Он посмотрел на Эрдара, потом на меня. Потом на мой узел волос, который за ночь превратился в рыжеватое гнездо. — Сосед по этажу видел у её двери девушку. Со спины, факел у лестницы как раз погас. Невысокую. Рыжеватую. Волосы узлом, набок.

Тишина стала такой густой, что я слышала, как кольцо тихо звенит на запястье.

— Видел, как та стучала, — договорил Рик. — Почти в полночь.

Эрдар медленно повернул голову ко мне.

Глава 5. Подозреваемая

— Нет, — сказала я. — Нет, нет и ещё раз нет. Это не я.

— Я ничего не говорил, — ответил Эрдар.

— Ты так посмотрел, что можно было не говорить.

Рик кашлянул и сообщил, что капитан Вейс ждёт госпожу Ветрову в караульне. Немедленно. Я показала на свою рубашку и шаль, и он отвёл глаза с таким видом, будто это что-то меняло. Пяти минут мне хватило, чтобы натянуть платье и затянуть узел на голове так, что заболела макушка. Дверь я не закрывала: шесть шагов до Эрдара, а за ними сто, и ни одного лишнего.

Караульня оказалась низкой комнатой у ворот. Там пахло сырым сукном и вчерашним чаем. Капитан Вейс, широкий, лысеющий, с лицом человека, которого за неделю будили уже четыре раза, сидел за столом. Рядом писарь точил перо. В углу на лавке, подальше от печки, устроился господин Кальвер из попечительского совета: сухой, прямой, с повязанной щекой. Одну ладонь он прижимал к скуле, а слушал так, будто слова были монетами, которые надо пробовать на зуб. Эрдар встал у стены, скрестив руки. Его никто не звал, но и выгонять его никто не рискнул.

— Имя, курс, — сказал капитан.

— Вы знаете.

— Для протокола.

— Лина Ветрова. Третий курс алхимии. Рыжеватая, невысокая, по описанию вашего свидетеля.

Писарь перестал скрипеть. Капитан посмотрел на меня тяжело, как на осадок, который не желает растворяться.

— Где вы были этой ночью между одиннадцатью и часом?

— Спала.

— Кто подтвердит?

— Стена, — сказала я. — Она у меня очень надёжная. Каменная.

— Стена не даёт показаний, госпожа Ветрова.

— Жаль. Она бы вам рассказала, как я храплю.

Это была ошибка. Шутка вышла слишком звонкой для комнаты, где четверть часа назад обсуждали пропавших девушек. Капитан подался вперёд и положил на стол ладони размером с хорошую сковороду.

— Вы знали Ферн?

— Сталкивалась в лазарете.

— Грасс?

— Она одалживала мне весы. Я вернула.

— Вы были в комнате Ады Ферн. Видели подоконник. Мы знаем, что вы алхимик, а на подоконниках остаётся пепел. Скажите, госпожа Ветрова, что оставляет после себя такой пепел? Серый, без запаха?

Под столом я стиснула пальцы так, что побелели костяшки. В голове крутились три варианта: расплакаться, оскорбиться или напомнить, что рыжих девушек в академии чело-

век сорок. Расплакаться я не умею, оскорбиться было нечем, а сорок рыжих почему-то никого не убеждали. Четвёртого варианта не нашлось, а время шло, как кислота по стеклу.

— Зола, — сказала я. — Щёлок. Любая выжженная кость... А вот скажите, как ваш свидетель разглядел мой узел, если факел у лестницы погас?

— Луна в окне, — буркнул капитан. — Он говорит, фигура стояла чётко, как вырезанная. Только края будто дрожали, как отражение в воде. Решил, что со сна.

— Дрожали, — повторил Эрдар от стены. — Все края или только контур?

— Я не спрашивал.

— Спросите.

Капитан поморщился, но кивнул писарю, и тот что-то пометил. Я запомнила это, хотя не поняла зачем. Просто чутьё алхимика: если в растворе что-то дрожит, значит, там идёт реакция. На меня Эрдар не посмотрел, но кольцо на запястье на секунду потеплело, будто он тоже об этом подумал.

— Капитан, — раздалось от двери. — Пожалуйста.

В проёме стоял проректор Крейн, опираясь на трость с серебряным набалдашником. Плащ он накинул на плечи как попало, а седеющие волосы торчали, будто его тоже подняли среди ночи. В другой руке он держал дымящуюся кружку.

— Альден, не вмешивайтесь, — буркнул капитан.

— Не вмешиваюсь. Приношу чай. — Он прохромал к столу и поставил кружку передо мной. — Девочка с рассвета на

ногах, а вы допрашиваете её, как контрабандиста с бочкой. Я знаю её с первого курса. Она вернёт вам весы, даже если вы забудете, что их одалживали.

— Три студентки, господин проректор.

— И я знал каждую по имени, — тихо ответил Крейн. — Поэтому прошу вас: осторожнее с четвёртой.

Он сказал это мягко, но капитан всё равно отвёл взгляд и потёр переносицу. Кружка согрела мои ладони. Мята. Я вцепилась в неё, как в перила.

— Я обязан, — проговорил капитан Вейс. — Свидетель опознал её по узлу. Ночью, у двери. Описание есть описание. Если она...

— Она была со мной.

Эрдар не повысил голос. Он оттолкнулся от стены и шагнул к столу, и писарь невольно подобрал локти.

— Что? — спросил капитан.

— Всю ночь. Она была со мной.

Говорят, бывает тишина, в которой слышно, как падает пылинка. Эта была другой. В ней слышно было, как за дверью караульни кто-то охнул. Я только сейчас заметила, что дверь приоткрыта, а в щели торчат три головы: двое боевиков и девица с факультета целительства, которую я не знала по имени. Крейн поперхнулся воздухом и схватился за набалдашник. Кальвер на лавке медленно опустил руку со щеки.

— Эрдар, — медленно сказал капитан. — Вы понимаете,

как это звучит?

— Понимаю, как это звучит. И как это есть. — Он вытянул левую руку. На запястье мерцало золотое кольцо с серой тенью. — Печать. Сто шагов, не больше. От моей двери до комнаты Грасс двести двадцать. Отмерьте. Если бы госпожа Ветрова ушла одна, на сто первом шаге она орала бы на весь коридор. Я с вечера не выходил. Не спал. Слышал бы.

— Слышали бы что?

— Крик, — сказал Эрдар. — Или как кто-то лезет в мою ванную. Больше туда не ведёт ничего.

Рик в углу уставился на потолок с вниманием человека, нашедшего там сокровище. Капитан молчал. Потом шумно выдохнул, повернулся к писарю и велел записать: «Подозреваемая находилась в пределах ста шагов от господина Эрдара». Писарь покраснел до корней волос.

— Что вам известно о пепле? — спросил капитан уже у Эрдара.

Я перестала дышать. Кружка в моих руках дрогнула, и чай плеснул на пальцы.

— Ей известно ровно столько же, сколько мне, — сказал Эрдар, не глядя на меня.

Кальвер на лавке чуть скривился. От зуба или от этих слов, понять было нельзя, и я не стала проверять. Но капитан уже отвернулся.

— Хорошо, — проворчал он. — Из академии никому не уходить. Тебе, Ветрова, особенно. И держитесь на виду, оба.

— Нам и так трудно этого не выполнить, — сказал Эрдар.

Когда мы выходили, Кальвер поднялся с лавки и негромко сказал капитану в спину:

— Совет соберётся к вечеру. Я буду настаивать, чтобы проверку алхимиков провели как можно скорее. Не через месяц, Вейс. Раньше.

Он говорил, глядя в пространство, но мне показалось, что последнее слово предназначалось моей макушке.

Крейн вывел нас из караульни, ласково придерживая за локоть сначала меня, потом, поколебавшись, и Эрдара. «Вот видите, всё разъяснилось», — повторял он. Ему кивали. Но с лестницы уже кричали: «Слышали? Всю ночь!» — и слова эти летели вниз по коридору быстрее нас.

К завтраку весь Арвенхолл знал, что Ветрова провела ночь у Эрдара. К десяти знали, что свидетелей у Эрдара оказалось больше, чем ему хотелось бы. К полудню Ренвик из боевиков подмигнул мне на лестнице, а я чуть не уронила на него колбу с кислотой. Для всякого, кто занимается алхимией, это был знак величайшего самообладания.

Мира налетела на меня у входа в столовую. Она схватила меня обеими руками и затащила за колонну, прижав к холодному камню.

— Всю ночь, — выдохнула она. В её глазах плясало такое счастье, что мне захотелось окатить её водой. — Всю! Лина!

— Мира, пропала Нелли.

— Я знаю, знаю! Я плакала, я за неё помолилась, я принес-

ла Тильде тёплый платок. — Она вытерла невидимую слезу. — А теперь рассказывай.

— Нечего рассказывать. Печать. Сто шагов. Он не врал.

— Конечно, не врал. Он очень честный мальчик. — Она вскинула брови. — Вы ненавидите друг друга? Расскажи кому-нибудь другому. Ты слышала, как он это сказал? «Она была со мной». Лина, да мужчины на балах так не говорят!

— Мужчины на балах говорят «разрешите пригласить». А это был допрос.

— Допрос, — мечтательно повторила Мира. — Я бы сама не отказалась от такого допроса.

— Мира!

— Ну что? — Она хихикнула и тут же посерьёзнела. — Лина, я тебе верю. Но и ты мне поверь: что-то у вас не так просто, как ты говоришь. Он на тебя смотрит. Когда ты не видишь.

Я хотела ответить что-нибудь язвительное, но в горле стояло что-то противное, как сухая корка.

Тео поймал меня в дверях. В руках у него был кожаный блокнот. Он помахал им, как мокрым платком.

— Лина, умоляю, не убивайте его хотя бы до обеда, — сказал он. — У меня ставки меняются каждый час. «Месяц» упал, «неделя» вообще вымерла, зато появилась новая строка. Угадаешь какая?

— Не хочу.

— «Кто кого соблазнит первым». Коэффициент пять к од-

ному.

— На кого ставите?

— На табуретку, на которой он сидит в твоей комнате. Устойчивая вещь.

Я пошла дальше, не удостоив его ответом. Но смеяться мне уже хотелось, хотя повода не было.

У входа в зал стояла леди Селеста Дорн. Она держала перчатки в обеих руках и сжимала их так, что кожа на пальцах скрипела. Лицо у неё было белое, как лист бумаги, только на скулах горели два тонких пятна. Она смотрела на Эрдар, который шёл по коридору в двадцати шагах позади меня: не потому, что хотел, а потому, что кольцо не отпускало. Он остановился. Она перевела взгляд на меня.

Ни слова. Ни насмешки. Селеста медленно разгладила перчатки, кивнула нам обоим как людям, с которыми только что подписала бумагу, и ушла по коридору, не оглянувшись. Мне вдруг захотелось окликнуть её и сказать, что всё не так. Но я не знала, как оно на самом деле, а значит, не знала и что говорить.

Днём я заглянула в лабораторию, где мастер Фелл молча подвинул мне тигель, как будто я никуда и не исчезала. На третьей минуте работы к нам присоединился Эрдар, который встал в трёх шагах, чтобы не мешать. Он ничего не сказал, а я не стала спрашивать.

Вечером, когда ударил звонок и коридоры башни затихли, я наконец повернулась к нему у двери своей комнаты.

— Ты сказал капитану, что мне известно столько же, сколько тебе.

— Да.

— Значит, ты соврал.

— Нет. — Он потёр шрам на левой ладони, тот самый, который я заметила ещё на экзамене. — Я сказал полуправду. То, что вы были рядом со мной, правда. А то, что пепел вам знаком не больше, чем мне, ложь. Мы оба это знаем.

Он поднял на меня золотые глаза. Спокойные, как у человека, который давно решил не раздражаться.

— Я солгал ради вас наполовину, — сказал он. — Вторую половину правды теперь должны мне вы.

Глава 6. Сделка

— Вы говорите как господин Бракк, — сказала я. — Тот тоже начинает со слова «должны».

— Кто это?

— Мой кредитор. Он хотя бы приносит конфеты в день платежа.

— Конфет у меня нет. — Эрдар не шевельнулся. — Зато есть хорошая память на то, что вы сказали про зольный щёлок. Мастер Фелл жжёт кости по четвергам, а пепел у вас под ногтями был во вторник.

Я открыла дверь комнаты и кивнула внутрь:

— Заходите. В коридоре у стен уши, а у вас, судя по слухам, и без того безупречная репутация.

— Моя репутация уже не моя забота.

— Вот и посмотрим, не станет ли она моей.

Он вошёл и остановился у окна, не позволяя себе сесть без приглашения. Табуретку в моей комнате он, видимо, считал частью дипломатии. Я села на кровать, и колбы на подоконнике звякнули.

— Предложение, — сказала я. — Мы расследуем вместе. Всё, что касается дела, говорим друг другу прямо. Без «полуправды».

— Всё, что касается дела.

— Не всё на свете. Только дело.

— А кто решает, что оно дело?

— Оба. Если мы расходимся, значит, вопрос спорный, и мы спорим. Громко, зато честно.

Он задумался. Печать на его запястье, хорошо видная под закатанным рукавом, мигнула и погасла: ровная золотая нить с серой тенью, ни тепла, ни холода.

— Пепел вам знаком, — сказал он. Не вопрос.

— Знаком. Откуда, пока не скажу. Если окажется, что это нужно для дела, скажу первой.

— Это уже честность?

— Это честность, которая знает свои границы. У вас, между прочим, тоже есть то, о чём вы молчите. Сегодня вы три раза потёрли ладонь, а в библиотеке чуть не раскрошили полку.

Он убрал руку за спину. Я вырвала из блокнота страницу с расчётами для эликсира, приложила к колену и написала сверху: «Сделка». Потом по пунктам:

«1. Расследуем вместе.

2. По делу не лжём.

3. Не язвить до завтрака».

Эрдар прочёл через моё плечо. Он стоял так близко, что жар от его рукава ощущался, как от печки в хорошо протопленной аптеке.

— Третий пункт — это про кого?

— Это про вас.

— Я не язвлю.

— Вы с утра до вечера говорите «как пожелаете, леди Ветрова» таким голосом, что у меня сворачивается молоко.

— У вас нет молока.

— Видите? Вот.

Уголок его рта дёрнулся. Он взял перо, перечеркнул «не язвить» и вывел: «Не язвить друг другу до завтрака». Потом, подумав, дописал пункт четыре: «Не трогать мои носки».

— Я их не трогала!

— Вы упоминали их при трёхстах свидетелях.

— Это было упоминание, а не покушение.

Но я подписалась. Рядом он поставил размашистое «К. Эрдар», твёрдое, с острыми углами, как у человека, привыкшего подписывать приказы. Листок на секунду тепло засветился между нашими пальцами и остыл. Печать, похоже, решила, что мы наконец занялись общим делом.

— Комната Нелли Грасс опечатана, — сказал он. — Стража сменится в полночь, а от полуночи до часа обходы редкие. До этого они пьют чай в караульне.

— Откуда вы знаете?

— Боевой факультет ходит в дозор по очереди. Вчера я сам стоял там.

— Я не пойду туда с пустыми руками.

— У нас есть отмычка.

— Какая отмычка?

В дверь постучали: два коротких, потом длинный, как будто кто-то выстукивал мелодию. Эрдар открыл. В коридо-

ре стоял Тео Варрен, одной рукой он прикрывал блокнот, другой протягивал тонкую медную проволоку с кольцом на конце.

— Не спрашивайте, — сказал он. — Я ничего не слышал, ничего не видел и вообще пришёл за солью. Это щуп для печатей, он снимает стражные узлы, пока не истёк час. Вернёте до рассвета, а то у меня зачёт по артефактам.

— Тео, — сказал Эрдар.

— Я твой друг, а не идиот. Если ты задумал ночную прогулку со своей женой по принуждению...

— Тео.

— ...то я ставлю на то, что вы вернётесь с пользой. — Он подмигнул мне. — Лина, береги его. Он у нас единственный огнеупорный.

Проволока переключалась ко мне. Тео исчез так быстро, что колбы не успели затихнуть.

В половине двенадцатого мы вышли. По коридору башни, по лестнице, через двор, где ветер с моря забирался под воротник холодными пальцами. У арки на восточной стороне горела единственная лампа. Эрдар знал каждый поворот и каждый тёмный угол, а я шла в двух шагах позади и считала: сто, девяносто, снова сто. Ни разу не потянуло. Он нарочно шёл медленно.

— Если нас поймают, — шепнула я, — придётся объяснять, что всю ночь мы были вместе, но в другом месте.

— Не язвить до завтрака.

— Это была не язвительность, а справка.

Он промолчал, но печать на моём запястье потеплела ровно настолько, чтобы я заметила.

Комната Нелли оказалась в западном крыле, в конце длинного коридора с плохими лампами. На двери висела восковая печать капитана Вейса и тонкая нить сторожевого узла от косяка к косяку. Эрдар приложил ладонь к дереву, прислушался, кивнул. Я поднесла щуп к узлу, как показал Тео, и осторожно провела по нити. Воск хрустнул, нить сползла на пол, дверь поддалась.

Внутри пахло ржавчиной, чернилами и чем-то сладковатым: Нелли варила воск для артефактов. Постель так и осталась смятой. На столе лежали недоделанные медные шестерёнки, а рядом стояли маленькие весы, которые Нелли столько раз одалживала мне. Стало неловко: я пришла сюда не как подруга, а как воровка.

— Окно, — тихо сказал Эрдар.

Оно было открыто, как и написали в протоколе. На подоконнике лежала полоска серого пепла длиной в две ладони. А вокруг кто-то начертил серебряным порошком круг, и круг слабо светился, как лунная дорожка на воде.

— Сторожевой контур, — сказал Эрдар. — Это Вейс. Тронешь пепел, и в караульне зазвенит колокол.

— Тео про него не говорил.

— Тео не знал.

Я присела на корточки, достала из кармана пузырёк с пеп-

лом Ады и рядом, под лупой, захваченной из лаборатории, сравнила крупинки. Пепел в пузырьке состоял не из пыли, а из ровных зёрнышек, одинаковых, как просеянных через сито. На подоконнике Нелли лежали точно такие же.

— Вы видели, как ложится пепел, когда что-то сгорает?

— спросила я.

— Видел.

— Он рыхлый. Хлопья, комки, как попало. А этот ровный, будто его высыпали из ложки.

— Откуда вам это известно?

— Из наблюдений. — Я поймала его взгляд. — По делу. Хорошо. Что это за пепел, я не знаю. Но уверена, что он ненастоящий, и у меня есть способ проверить. Для этого придётся коснуться его.

— Нет. — Он шагнул вперёд. — Контур поднимет всю стражу. Нам не объяснить.

— Не поднимет.

— Откуда такая уверенность?

— Вот это я и хочу показать. Отвернитесь.

— Нет.

Мы смотрели друг на друга долго, для ночной вылазки слишком долго. В его глазах отражалась лампа, золотым отблеском, и ещё что-то, чему я не нашла названия. Он не пытался оттащить меня от окна и не угрожал. Он просто стоял, как стоят у края скалы, когда знают, что внизу вода, но не знают, насколько глубоко.

Если он увидит, всё станет на свои места: и взрыв, и серый налёт на осколке, и мой зольный щёлок. Если не увидит, мне придётся делать это под его взглядом, всё равно. Я сдалась.

— Кайрен, — сказала я, и имя странно легло на язык, как незнакомая специя. — Отвернись. Пожалуйста.

Он замер. Будто я не просила, а ударила. Потом медленно, словно проверяя, не ослышался, повторил:

— Кайрен.

— Что, не твоё?

— Это имя, — сказал он. — До сих пор вы звали меня «Эрдар», как стену.

— Вы тоже говорили «леди Ветрова», как диагноз.

— Лина, — сказал он, и «вы» исчезло так просто, словно его никогда и не было. — Я не отвернусь. Но и мешать не стану.

Мы оба заметили. Оба промолчали.

«Ты, — подумала я. — Теперь «вы» оставим для ссор». Как запасную посуду: на каждый день не нужна, а в плохой вечер пригодится.

Это было больше, чем я ожидала. Я протянула руку. Мой дар шевельнулся где-то в ладони, как заспанный кот: он не любил, когда его будят без нужды.

Серебряная линия круга дрогнула, едва мои пальцы оказались над подоконником. По ней один за другим побежали короткие огоньки, как по фитилю. Я не успела отдёргнуть руку. Круг погас целиком, словно кто-то задул свечу. На камне

остался потемневший порошок, мёртвый, как пыль в старой тигельной.

В коридоре не прозвенело ничего.

Я коснулась пепла. Пальцы не ощутили ни тепла, ни холода, но дар отозвался: тонкая нить протянулась от кончиков пальцев вглубь серой полосы и вернулась ко мне с чужим привкусом. Как после долгого выпаривания на дне колыбы остаётся белая корка соли. Это была не пустота, какую оставляет моё гашение. Мой пепел всегда чистый, как зола от сгоревшей бумаги. Этот хранил на себе след чужой магии, выжженной и высушенной. Слабая память о тёплом, живом, целительском. И ещё о чём-то металлическом, звонком, как струна.

Два разных дара, сожжённых и перемолотых в порошок.

Мне стало дурно. Я отдёрнула руку и вытерла пальцы о подол.

— Это не мой, — сказала я, и голос прозвучал сипло. — Не такой, как мой. Его сделали. Кто-то вытянул из девушек магию, выжег до дна и высыпал остаток на подоконник, чтобы он походил на след моего гашения. Он мёртвый. В нём нет ни одной живой нити.

— Ты уверена?

— Я чувствую его, как ты чувствуешь огонь. Он собран из нескольких даров сразу: лекарский, артефакторский... Как сплав.

Я подняла голову. Кайрен смотрел не на пепел и не на

меня, а на подоконник, где только что светился сторожевой круг. Теперь на тёмном камне не осталось ни искры. Он видел всё: как погасла серебряная линия под моей рукой, как не зазвенел колокол, как я вздрогнула.

Он молчал. Печать на его запястье, видная в свете лампы, стала почти белой, такой горячей, что жар чувствовался через ночной воздух.

— Кайрен.

— Охранные чары, — медленно произнёс он, — не гаснут от случайного прикосновения. Их гасит либо мастер, либо...

Он не договорил, а когда заговорил снова, голос его был ровным и очень тихим.

— Пепельный дар. За него ссылают в обитель.

Глава 7. Проклятый дар

Я ждала продолжения, как ждут, пока в колбе осядет муть: сделать уже ничего нельзя, остаётся смотреть, что всплывёт. В голове сами собой выстроились картинки. Капитан Вейс. Повозка без окон. Мама, которая читает на кухне письмо из академии при одной свече, потому что масло теперь экономят.

— Если собираешься идти к Вейсу, — сказала я, — иди сейчас. Пока я не придумала, как уронить тебя с лестницы.

— Вы всегда так шутите, когда вас собираются сдать?

«Вы». Холодное, ровное, как лёд на луже. Я уже знала, что оно означает: когда Кайрен злится, он прячется за «вы», как за щит. Только на кого злится, понять не могла.

— Не знаю, — ответила я. — Меня раньше не сдавали. Это впервые.

Он потёр левую ладонь большим пальцем, коротко и резко, как стряхивают с руки воду. Потом заговорил снова, и щит опустился: «ты» вернулось само, без всякого уговора.

— Я не пойду к Вейсу, Лина.

— Почему?

— Потому что кто-то делает этот пепел не из любви к искусству. — Он кивнул на подоконник. — Он хочет, чтобы Вейс нашёл тебя. Если тебя увезут, этот кто-то выиграет дважды. Получит виноватую и избавится от единственного че-

ловека, который на ощупь отличает его подделку от настоящего. Моя стража этого не умеет. Ты умеешь.

— То есть я для тебя полезный инструмент.

— Ты единственная, кто видит его след.

— Инструмент.

— Пусть так. — Уголок его рта дёрнулся. — Но по пункту третьему до завтрака ты язвить не должна. А уже почти утро.

Я хотела сказать что-нибудь в ответ, но поняла, что у меня трясутся колени. Не от страха. Страх как раз кончился, и на его месте стало пусто и звонко, как в тигле после опыта. Я села на край табурета Нелли, который стоял у стола с недоделанными шестерёнками, и подождала, пока пол перестанет качаться.

— Теперь выбираемся, — сказал Кайрен. — Чары на двери?

— Щуп нашёл узел, он его снимал. Закрывать обратно тем же концом, только против хода.

— Покажи.

Я показала. Мы вернули печать Вейса на дверь, и она щёлкнула в нужном месте с таким достоинством, будто и не уходила. Остался круг на подоконнике: чёрный порошок, мёртвый, как зола в давно остывшем очаге.

— Вейс увидит, — сказала я.

— Увидит. И решит, что контур перегорел от этой дряни. — Кайрен кивнул на пепел. — Чужая выжженная магия кушается. Ему так и объяснят. А ты тоже будешь удивляться

вместе со всеми.

— Я плохо удивляюсь.

— Тренируйся.

Мы вышли в западный коридор, где лампы горели через одну, и пошли вдоль стены. До боевого корпуса было больше двухсот шагов, и Кайрен по-прежнему шёл медленно, ровно настолько, чтобы кольцо на моём запястье только грело, а не тянуло. Я заметила это ещё днём и ничего не сказала. Сейчас тоже промолчала.

Во дворе горела единственная лампа у восточной арки. У караульни скрипнула дверь: стража пила последний чай перед сменой. Мы переждали, прижавшись к стене башни, в темноте под плющом. От камня тянуло холодом. Над головой шумело море, а может, это шумело у меня в ушах.

Кайрен прислонился затылком к стене и закрыл глаза. Без этого его вечного выражения, будто в комнате пахнет чем-то неприятным, он выглядел совсем другим человеком. Под глазами залегли тени. Ему было двадцать три, но на секунду я дала бы ему тридцать.

Он снова потёр левую ладонь.

— Это от огня? — спросила я. — Шрам.

Я думала, он скажет «не твоё дело». Он промолчал так долго, что я решила, что так и будет.

— Мне было десять, — наконец сказал он, не открывая глаз. — Отец позвал гостей посмотреть на наследника. Велел показать пламя. Я не хотел. Он сказал, что дракон, который

не зажигает огонь по приказу, просто ящерица с хорошей фамилией.

— Мило.

— Он вообще милый. — Это прозвучало сухо, без злости. — Огонь вышел. Только не туда, куда я его посылал. Он пошёл по гобелену с родовым деревом, потом по портьерам. Я схватил его левой рукой. Просто сжал, как фитиль. — Он разжал ладонь и посмотрел на белую неровную полосу поперёк. — Лекарь потом сказал, что рука должна была сгореть до кости.

— Больно было?

— Дольше всего болело не это. — Он помолчал. — Отец сказал, что гости всё видели. Что наследник выронил огонь на глазах у всей родни. С тех пор я не достаю его без нужды. Он как собака на цепи: лает, пока я не засну, и только и ищет, где цепь слабее.

— Мой дар ведёт себя как заспанный кот, — сказала я. — Только пока его не будят. А если разбудить, он царапается так, что потом неделю ходишь с зелёнкой.

— Кот, — повторил Кайрен. И вдруг закрыл лицо ладонью, и плечи у него дёрнулись раз, другой. Я не сразу поняла, что он смеётся — беззвучно, устало, как смеются, когда не ели сутки. — Прости. Ты сказала это так серьёзно.

— Я серьёзно.

— Знаю.

По двору прошёл стражник с фонарём, остановился у ар-

ки, зевнул так, что слышно было у нас, и свернул в караульню. Кайрен оттолкнулся от стены.

— Пошли.

У двери Тео я повесила щуп на ручку, Кайрен постучал два раза коротко, один длинный, и мы ушли, не дожидаясь. До рассвета оставалось минут сорок.

В лаборатории мастера Фелла наутро пахло щёлоком, а я пахла, видимо, примерно так же, потому что Мира, появившаяся в дверях, остановилась и втянула носом воздух, как гончая.

— Ты опять варила кости.

— Я вообще ничего не варила.

— А пахнешь четвергом.

Она пришла не одна. По правилам комендантского часа в одиночку никто не ходит, так что за ней плелась тихая третьекурсница-целительница, которую Мира тут же усадила у окна с пирожком и велела смотреть на облака. Сама села напротив меня и выложила на стол салфетку. Внутри лежали пирожки от Тильды, ещё тёплые, с вишней.

— Ешь.

— Мира, мне надо чистить колбы.

— Колбы подождут. А ты не спала.

— Я спала.

— Ты спала часа два. У тебя в волосах побелка, на подоле серый налёт, ногти ты оттирала так, что кожа красная. И ты вернулась под утро, я слышала, как хлопнула дверь башни.

— Она придвинула пирожок. — Я не про вас с Эрдаром. Весь замок только про вас и говорит, мне уже скучно. Я про то, что у тебя лицо человека, который держит в кармане горячий уголёк и боится, что тот прожжёт ткань.

Я откусила пирожок, чтобы выиграть время. Вишня была кислая, тесто рассыпчатое, и от этого стало почему-то обидно.

— Мы составляли расписание варки эликсира, — сказала я. — По часам. Он дотошный.

— До пяти утра.

— Он очень дотошный.

— Лина.

— Мира, ничего не случилось.

— Я целительница. — Она положила ладонь на мою, и от её ладони пошло ровное, спокойное тепло, как от нагретого камня. — Я вижу, когда у человека болит. Не обязательно знать, где и почему. Достаточно, что болит. Мне не надо, чтобы ты рассказывала. Мне надо, чтобы ты знала, что можешь.

Слова застряли где-то под рёбрами. Я могла бы рассказать. Мира не побежала бы к страже. Мира сначала бы ахнула, потом обняла, потом принесла ещё пирожков. А потом её, как любую, кто знает, спросил бы Вейс, и спросил бы так, что она не выдержала бы.

— Я знаю, — сказала я и накрыла её пальцы своей рукой. — Просто устала. И ставка Тео меня доконает.

— «Кто кого соблазнит первым»? Пять к одному, на тебя.
— Мира хитро прищурилась, но голос у неё остался мягким.
— Ладно. Не рассказывай. Но пирожок доешь, там три слоя заботы.

Я доела. Выходило, что соврала я сегодня дважды: ей и себе.

Следующей ночью я проснулась от жажды. Лежала, слушала, как за стеной ходит Кайрен, считала его шаги — шесть туда, шесть обратно, — а потом они стихли. Тогда я встала и пошла к общей умывальне налить воды.

Дверь с его стороны была приоткрыта на ширину пальца. Не нарочно, она просто никогда до конца не закрывалась. Тонкая полоска света лежала поперёк кафеля.

Я хотела закрыть дверь и вернуться. Правда хотела. Но в щель было видно стол, и на столе спиртовку, и Кайрена, который сидел спиной ко мне, ссутулившись, с раскрытой книгой в серой кожаной обложке. Такой же серой, как переплёт — ты на стеллаже в библиотеке.

Он аккуратно, почти бережно вырвал страницу. Звук получился тихий, как будто стряхнули пыль. Потом поднёс листок к огню и не стал ждать, пока тот займётся. Он раскрыл левую ладонь, ту, со шрамом, и на ней расцвёл маленький ровный огонёк. Бумага легла на пламя, как на подушку.

Она горела медленно, и я успела увидеть. В верхнем углу листа, под строками, которых мне не разобрать, был нарисован знак: золотая нить, обвившая серую тень, и по краю ост-

рые, древние значки. Те самые, что у меня на запястье. Тот же узор, будто с меня списывали.

Кольцо под рукавом потеплело. Не ласково, а предупреждающе, словно просило меня отвернуться.

Я смотрела.

Когда последний уголок рассыпался чёрной трухой, Кайрен сжал ладонь, и огонь погас без дыма. Он долго сидел, не двигаясь, потом сказал в пустую комнату так тихо, что я скорее угадала, чем услышала:

— Не сейчас. Только не сейчас.

Глава 8. Арена

К завтраку я решила, что про страницу пока спрашивать не буду. Не из трусости. Вопрос как реактив: плеснёшь не в тот момент, получишь не ответ, а взрыв. А мне хватило взрывов на эту неделю.

Кайрен ждал у двери, уже одетый, с лицом человека, который спал ещё меньше меня. До столовой мы дошли молча. Пункт третий нашей сделки, «не язвить друг другу до завтрака», оказался самым выполнимым из четырёх: говорить было нечего.

Он заговорил на второй ложке каши, не поднимая глаз.

— Ты не умеешь его держать.

— Это уже после завтрака?

— Мы сели.

— Сели, но не доели. Формально...

— Лина. — Он положил ложку. — Твой дар вырвался на экзамене. Потом в комнате Нелли, дважды, без твоего разрешения. Если в третий раз он вырвется при капитане Вейсе, я ничем не помогу. Арена, полдень. Там сейчас никого.

— Ты хочешь меня учить.

— Я хочу, чтобы тебя не увезли в повозке без окон. Это разные вещи, но результат один.

Я кивнула. Каша вдруг показалась очень вкусной.

В полдень арена боевиков выглядела как большая песоч-

ница для великанов: яма с утрамбованным песком, пустые трибуны, по краям две чадящие жаровни. Кайрен стоял посередине без куртки, с закатанными рукавами. Левое запястье с печатью он держал чуть в стороне, будто оно было чужое.

— Подавлять нельзя, — сказал он. — Давишь дар, он вырывается. Нужно направлять.

— Ты про свой огонь говоришь или про мой?

— Про оба.

Он раскрыл ладонь со шрамом, и на ней загорелся огонёк. Не больше ногтя, ровный, золотой, без единой искры.

— Гаси.

Я протянула руку и сделала то, что делала всегда: толкнула. Огонёк пропал. Вместе с ним потухли обе жаровни, и на арене сразу стало серо и холодно, как в погребе. С трибуны кто-то присвистнул.

— Мы не одни, — сказала я.

— Я заметил.

На верхнем ряду, лениво развалившись, сидел Тео Варрен и крутил в пальцах стеклянного сверчка. Сверчок трещал без остановки. У ног Тео стоял раскрытый ящик с инструментами, а руки были чёрные от смазки до самых локтей.

— Не обращайтесь внимания! — крикнул он. — Я тут случайно. Сверчок с утра сходит с ума: чары то есть, то нет. Вот и пришёл узнать, кто тут балуется.

— Тео, у нас закрытая тренировка.

— Арена общая, вход бесплатный. Я бы ушёл, но печать не моя, так что и приказывать мне она не может.

Кайрен посмотрел на него так, что любой другой давно стал бы горсткой золы. Тео поднял сверчка за проволочную лапку, словно улику.

— Забудь, — сказал мне Кайрен. — Ещё раз. Ты захлопываешь дар, как дверь. А нужна печная заслонка: приоткрыть на палец и держать.

— Заслонку я понимаю. Чуть шире — угар, чуть уже — не горит.

— Вот именно.

Во второй раз огонёк погас, и меня качнуло вместе с ним: ладонь заломило, как после долгого бега, во рту появился привкус холодной золы. В третий раз вместо огонька потух факел у входа. В четвёртый мой собственный рукав вдруг стал тяжёлым и сырым: дар искал, что бы ещё погасить, и нашёл тепло от кожи.

— Мимо, — сказал Кайрен. Не ругался, просто отмечал, как лекарь.

— Он не хочет идти по нитке. Бежит туда, где живет.

— Мой тоже. — Он помолчал. — Дыши. Вдох на четыре, выдох на шесть. Огонь я держу на выдохе, тебе поможет.

— Ты держишь его, как собаку на цепи.

— А ты свой, как заспанного кота. Кота силой не удержишь.

— Коту надо дать миску.

Что-то в его лице дрогнуло: уголок рта съехал набок и вернулся на место.

— Тогда дай ему маленькую миску.

Я закрыла глаза. Он считал вслух, негромко и ровно, и счёт оказался неожиданно удобным, как поручень на крутой лестнице. На втором вдохе я перестала слышать Тео. На третьем — ветер между трибунами. На выдохе дар шевельнулся в ладони, серый, тёплый, ленивый, с мягкими лапами. Я не толкнула. Я позволила ему подойти и обнюхать огонь.

Когда открыла глаза, огонёк был вдвое меньше, но горел.

— Ты подрезала фитиль, — сказал Кайрен.

— Я подрезала фитиль!

— Запомни счёт. Четыре и шесть. — Он говорил серьёзно, без насмешки. — Когда будет не до счёта, он должен вспомниться сам.

Я кивнула, подпрыгнула от радости, пятка попала в ямку, и мир опрокинулся. Он успел, не знаю как: только что стоял в трёх шагах, а теперь его ладонь лежала у меня между лопаток, вторая держала за локоть, и мы вместе опустились на песок, как два узла с бельём. Я оказалась на нём наполовину. Пахло дымом и холодным железом, его дыхание шевелило волосы у моего виска, а сердце под моей ладонью стучало куда быстрее, чем положено у человека, который «просто ловит». Печати на наших запястьях потеплели и засветились в песке, как две лампадки.

Мы разом отпрянули. Он поднялся первым, протянул мне руку, передумал и сунул её за спину.

— Это элемент обучения? — спросила я.

— Нет.

— Тогда считай, что падение мне в зачёт.

— Засчитано.

С трибуны захлопали.

— Принимаю ставки! — заорал Тео. — Кто за «случайно»? Пять к одному!

Кайрен молча подобрал горсть песка и швырнул вверх. Тео нырнул под лавку, и оттуда донёсся счастливый хохот.

От арены мы пошли прямо в караульную, отряхивая песок. Помещение у ворот пахло сургучом и мокрой шерстью. Писарь Вейса, тощий, с чернильными пальцами и вечно торчащим изо рта пером, при виде нас задвинул журнал в ящик стола. Закрыть до конца не вышло: угол торчал.

— Капитана нет.

— Мы к вам, — сказала я и выложила на конторку карточку наблюдателя.

— Карточка даёт право смотреть на ход дела. В журналы она не пускает.

— Журнал и есть ход дела. Имя, курс, особые приметы. Мне нужны только приметы.

— Вам, Ветрова, много чего нужно. — Он вынул перо изо рта и ткнул им в мою сторону. — Пепел у каждой, рыжеватая девица у двери. Я человек не учёный, но складывать умею.

— Если бы это была я, к вам бы я с карточкой не ходила. Я бы прислала записку. Анонимную. Хорошим почерком.

Кайрен, подпиравший косяк, оторвался от него.

— Вы полагаете, — сказал он ровно и на «вы», от чего в караульне заметно похолодало, — что в ночь исчезновения Нелли Грасс я лежал рядом с сообщницей и ничего не заметил? Что мне, по-вашему, снилось?

Писарь побагровел до воротника.

— Я не это...

— Угол торчит, — Кайрен кивнул на ящик.

Журнал лёг на конторку с видом большого оскорблённого зверя. Переписывать писарь не позволил, так что я запоминала, шевеля губами, как первокурсница перед зачётом. На левой странице шли приметы. На правой, мелким почерком, стояли записи ночного поста у ворот за ту же ночь, и одна строка зацепила глаз: «Лаборант Гордей, алх. корпус. Вышел 23.40, вернулся 5.10. При себе ящик, звякает».

— Вы что, молитесь? — буркнул писарь.

— Мне до молитв далеко. Но помогает. А это что за ящик?

— Гордей ходит по три раза в неделю, на дежурных ворот его пишут для порядка. — Он спохватился и захлопнул журнал. — Не ваше дело. И вообще, господин Кальвер из совета за эти дни был здесь четыре раза. Брал щепоть пепла «для сличения», расспрашивал про всех, у кого могли быть похожие способности, потом спросил, сколько сейчас человек в обители Серой Скалы. Так что, Ветрова, вас тут не одну лю-

бят.

Во дворе Кайрен остановился.

— Кальвер объявил проверку всех алхимиков. А потом выясняет, сколько в обители носителей.

— Ему положено знать, как выглядит пепел. А вот сколько людей держат за стеной, это уже любопытство другого сорта. — Я потёрла лоб. — И Гордей. У него в шкафу банка с лунной солью чужим почерком, а свет в лаборатории иногда горит после отбоя. Я думала, он просто любит порядок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.